

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

22.9.13

№ 110 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Рождество Богородицы

Из проповеди А.И.Шемана

Вчерашний праздник Рождества Пресвятой Богородицы особенный. Это как бы самое начало Евангелия. Рождается та, посредством Которой придёт в наш мир, воплотится Сам Бог.

Православная Церковь всегда подчёркивала именно этот момент, эту связь Христа с человечеством и, если так можно выразиться, любовалась Марией как лучшим, чистейшим, возвышеннейшим плодом человеческой истории, человеческого искания Бога. Если на Западе, в западном христианстве, в центре почитания Марии всегда стоял образ Её как Девы, девство Которой не нарушено было материнством, то для православного Востока такой сердцевинной любви к Марии, созерцания Её с самого начала было и остаётся Её Материнство, Её кровная связь с Иисусом Христом.

Православный Восток прежде всего радуется тому, что в пришествии Сына Божьего на землю, в спасительном явлении Бога, ставшего человеком, чтобы воссоединить его, человека, с Его Божественным призванием, что в пришествии этом приняло участие и само человечество. Если самое радостное и глубокое в христианской вере - это «соприродность» Христа нам - то, что Он подлинно человек, а не призрак, не таинственное явление, что Он - один из нас, навеки с нами своим человечеством связанный, то тогда понятным становится и почитание Той, которая Ему это человечество, нашу плоть и кровь, дала, Той, благодаря которой Он, Христос, мог называть себя так, как Он всегда себя называл: «Сын Человеческий». Сын Божий, Сын Человеческий...

Бог, снисходящий до человека, чтобы человека сделать Божественным, или, как говорят учителя Церкви, обожить, сделать причастником Божества. Именно здесь, в этом потрясающем откровении о подлинной природе, о подлинном призвании человека, находится источник благодарного, любовного отношения к Марии как нашей связи со Христом, и в Нём - с Богом.

И нигде это не раскрывается с большей ясностью, чем в празднике Рождества Богородицы. Об этом событии ничего не сказано в Священном Писании. Да и что особенного можно сказать о рождении ребёнка, рождении, подобном всякому рождению. И если Церковь стала в особом празднике вспоминать это событие, то не потому, что оно было чем-то исключительным, чудесным, из ряда вон выходящим. Нет, а как раз потому, что сама обыденность его раскрывает новый и лучезарный смысл во всём том, что мы называем «обыденным», придаёт новую глубину тем подробностям человеческой жизни, о которых мы так часто говорим, что они «ничем не замечательны».

Посмотрим на икону этого праздника, взглянемся в неё духовным нашим взором. Вот на постели только что родившая дочь женщины. Церковное предание утверждает, что звали её Анна. Рядом с нею - отец, имя которого, по тому же преданию, - Иоаким. Рядом с постелью женщины совершают первое омовение новорожденной. Самое обыденное, ничем не замечательное событие. Но так ли это? Не хочет ли иконой этой сказать нам Церковь, прежде всего, что рожденье в мир, в жизнь нового человеческого существа - это чудо всех чудес, чудо, разрывающее обыденность, ибо тут начало, у которого уже нет и не будет конца. Начало единственной, неповторимой человеческой жизни, воз-

никновение новой личности, в появлении которой как бы заново творится мир.

Итак, первое, что мы празднуем в этом торжестве - это пришествие в мир самого Человека, пришествие, о котором в Евангелии сказано, что когда совершится оно, мы уже не «вспомним скорби из-за радости, ибо родился человек в мир» (Ин. 16, 21).

Второе: мы знаем теперь, Чьё рожденье, чьё пришествие мы празднуем. Мы знаем единственность, красоту, благодатность именно этого ребёнка, его судьбы, его значения для нас и для всего мира.

И третье - мы празднуем и всё то и всех тех, которые как бы подготовили Марию, наполнили Её этой благодатью и красотой. В наши дни много говорят о наследственности, придавая ей какой-то рабский, детерминистский смысл. Церковь тоже верит в наследственность, но духовную. Сколько веры, сколько добра, сколько поколений людей, живших высшим и небесным, понадобилось, чтобы на древе человечества вырос этот изумительный и благоуханный цветок - пречистая Дева и Всесвятая Мать! И потому это также и праздник самого человечества, веры в него, радости о нём. Увы, нам виднее и понятнее наследственность зла. И действительно, столько зла вокруг нас, что эта вера в человека, в его свободу, в возможность доброй и светлой наследственности уже почти выветрилась в нас и заменилась скептицизмом и недоверием. Однако именно этот злой скептицизм, это унылое недоверие призывает нас оттолкнуть от себя Церковь в день, когда празднует она - и с какой радостью и верой - рожденье маленькой Девочки, в Которой как бы сосредоточилось добро, нравственная красота, совершенство, которые составляют подлинную человеческую природу. Ею, этой рождящейся девочкой, и в Ней встречает мир идущего к нему Христа. Она - наш дар Богу, Она - наша встреча с Богом. И через Нёе вот мы уже на пути к Вифлеемской пещере, к Рождеству Христову, до которого всем нам дай Бог благополучно дожить.

Таинство «Священства»

В разговоре мы с Вами часто употребляем слова и выражения заведомо неверные. Мы говорим: солнце встаёт, луна вышла. 21-й век на дворе - все мы знаем, что происходит на самом деле с небесными светилами, и говорим одно, а подразумеваем - другое. Во-первых, потому, что употребить в разговорной речи выражение «садится солнце» нам гораздо проще и удобнее, чем сказать: «фаза вращения планеты Земля вокруг своей оси на данный момент находится в 10-ти градусах по отношению к Солнцу и соответственно координат территории нашего нахождения» - примерно так.

В церковно-богослужбном употреблении также много слов и выражений, когда мы говорим одно, а подразумеваем другое. Когда мы поём: «Пресвятая Богородице, заступи или спаси нас», мы прекрасно понимаем, что и Богородица, и все другие святые люди, прославленные Церковью, являются только молитвенниками о нас, но никак не спасителями. Если, конечно, говорить строго. Но, ведь, Серафим Саровский говорил: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Каждый из нас может оглянуться назад и вспомнить тех людей, которые сыграли в нашей духовной жизни решающее значение.

О.Иоанн: «Вот лично я - кем бы я был сейчас, если бы не мой отец - Владыка Дамиан? Не в том смысле, что я шибко хороший человек. Отнюдь. Но я сегодня с Богом. И в этом смысле разве я не могу сказать, что Владыка и есть мой спаситель?»

В абсолютном смысле у нас только один Спаситель - Иисус Христос. Но спасителем с маленькой буквы этого слова может оказаться любой человек, который привел нас к Иисусу Христу. Привел или, может быть, толкнул пинком. Тем более, Дева Мария, - она ведь более других имеет отношение к спасению. Как любят подчёркивать православные богословы - главная заслуга Богородицы в деле спасения человечества в том, что она **согласилась** стать Матерью Христа. Она ответила Гавриилу: «Се раба Господня, да будет по слову Твоему» (Лк. 1, 38). Посему - да, в определённом смысле, Богородица - спасительница.

Но когда в храмах поётся: «Не имамы иныя помощи...» - такое популярное церковное песнопение, то есть, по-русски: «Неоткуда ждать нам помощи, и не на кого нам надеяться, кроме как на Тебя, Владычица...», то это не более, чем поэтическая гипербола.

Здесь есть важный нюанс - любые крылатые выражения, любые идиомы хороши, когда они применяются в соответствующей культурной среде.

Попробуйте объяснить американцу – что значит «зарубить себе на носу»!

И если Вы в общении с пигмеем или папуасом употребите наше выражение: «солнце садится», дикарь Вас поймет, но, скорее всего, в самом прямом смысле этого слова.

Люди, не просвещенные православно-христианским вероучением, коих, так сложилось - в храмах большинство, многие церковные слова и выражения понимают превратно. Или, наоборот, прямолинейно. Ну вот, раз поют, что кроме Богородицы не на кого надеяться, значит Богоматерь - именно Та, Которая нам и нужна. В нашем Сретенском соборе, вроде, все в порядке. Ну, а на других приходах – особенно в России – спросите, какие молебны и акафисты служатся по просьбе прихожан. Примерно 90 процентов - Матери Божией, 9 процентов - святым и всего 1 процент - Иисусу Христу. О чём это говорит? О дремучем язычестве народа.

И не только народа. Многие даже из духовенства не очень ориентируются в этих, в принципе, элементарных вопросах. Большинство священников, ведь, просто без начального семинарского образования. В советский период было всего лишь 3 семинарии, так сказать, на территории 6-ой части земного шара. Причём, пропускная способность мизерная – выпускали человек по 50 в год.

А сейчас с этим ещё хуже – массу храмов нужно открывать – а где брать священников? Вот и получается: Вася, глуши мотор, вылезай из трактора – рукополагать тебя будем.

О. Иоанн: «Это я иногда подшучиваю над новоиспеченными батюшками: «Ну, поздравляю с рукоположением, дай Бог там всего. Ты теперь уже кто - диакон?» - «Нет, священник». Тут я и начинаю издеваться: «Как священник?! Тебя что, рукоположили в священный сан?» - «Да, в священники». - «А что, такое бывает? Прямо-таки в священники?»

Молодой батюшка начинает на меня смотреть с подозрением и пытается сообразить – уже начинать обихаживать или погодить.

Я ему поясняю: «В православной Церкви, чтоб ты знал, рукоположения во священники не существуют, и никогда не было».

Тут важно следить за лицом собеседника. Первое мгновение - зрачки у него расширяются, лицо вытягивается, челюсть отвисает. Но довольно быстро его облик уже изображает иное. Он начинает испытующе меня оглядывать, мол, всё ли у меня в порядке с головой, а правая рука нащупывать в кармане телефон – может «скорую» мне вызвать?

А я продолжаю: «А как тебя рукополагали во священника, расскажи – мне жутко интересно».

- Ну, как, как? После «Иже Херувимы...» Владыка сел в алтаре слева от царских врат, а меня стали водить вокруг престола троекратно. При этом надо было класть земные поклоны перед престолом, перед архиереем, целовать престол с четырёх углов, палицу, омофор и руку Владыки. Затем я встал на колени справа от престола, епископ накрыл мою голову омофором, возложил руки и прочитал молитвы.

- Так-так, - отвечаю я, - а вот с этого момента, если можно, поподробней. Что же там Владыка читал такое?

- Ну, не помню, много чего. Божественная Благодарить там...

- Так-так. Божественная Благодарить, немощная врачующая и оскудевающее восполняющая... Правильно?

- Да - оскудевающее восполняющая...

- Пророчествует смиреннейшего дьякона Виктора – правильно?

- Да, пророчествует смиреннейшего дьякона...

- ...во... В кого?

- Пророчествует смиреннейшего дьякона во пресвитера... наконец, вспоминает наш молодой душепастырь.

А есть такие батюшки, которые и не вспоминают. 40 лет служит в Церкви и считает, что он и вправду священник. Ты их хоть пытай, хоть гипнотизируй – не помнят - хоть убей.

- Так вот, в кого же тебя посветили? - продолжаю домогаться я.

- Во пресвитера, - отвечает новоиспеченный, - Так это ж одно и то же – пресвитер – священник

- Э, нет. Священник – это жрец, приносящий Богу жертву от имени народа. Это посредник между Богом и людьми, В Ветхом Завете до христианства – там была особая каста священников. А в Новом Завете – всё по-другому. «Пресвитер» – в переводе с греческого – «старец», старший. В христианстве посредников между человеком и Богом нет, кроме Иисуса Христа, потому, что любой христианин может напрямую обращаться к Богу, как к своему Небесному Отцу, и приносить Ему в жертву благоуханную своё сердце. В этом смысле все христиане, крещённые во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа, являются священниками.

Молодого батюшку такая постановка вопроса, с одной стороны, расстраивает, а с другой, он начинает на меня смотреть, как на марсианина».

Это, кстати, страшная трагедия нынешней Церкви. Даже священников многих, если заставить ознакомиться с православным – не католическим, не протестантским - а именно с православным вероучением, для многих это будет сплошная экзотика и море удивления.

Да, все мы, крещённые христиане, являемся священниками Бога Всевышнего. Апостол Пётр так и говорит в своем послании ко всем христианам: «вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет... ныне народ Божий» (1Петр. 2,9).

Глава апостолов называет здесь священниками ни пресвитеров или дьяконов, ни пономарей, регентов или старост, а **всех без исключения** чад Божиих. Каждый человек, принимающий святое Крещение, будь то мужчина или женщина, ребенок или старик, богат или бедняк, негр или бледнолицый, учёный или второгодник – все, абсолютно все, получает благодать священства. Другое дело – понимает это человек или нет, осознаёт, или для него это без разницы, использует ли этот благодатный талант или зарывает.

Вещи, о которых мы сейчас рассуждаем – это букварь православия, своего рода таблица умножения – 2х2=4. Но, как ни странно, это всё забывается или просто не берётся в расчёт.

Да, так вот, тогда спросит тот же самый молодой батюшка: «А кто же тогда я, если в храме все священники?»

- «Пресвитер» – греческое такое слово. В переводе – «старший». Вот когда народ соберётся в храме, и нужно будет совершать богослужение, ты будешь впереди всех стоять - предстоятельством, **вести**, так сказать, богослужение, **возглавлять, будешь старшим** в церковной общине. Не среди всего духовенства старшим, а среди прихожан – народа Божия. Среди духовенства – там своя иерархия – протопресвитеры, епископы, архиепископы, митрополиты, патриархи.

Но тогда возникает естественный вопрос: если все христиане, по слову апостола Петра, являются царственным священством, то зачем нужен пресвитер? Тогда что, выходит, любой прихожанин, более-менее грамотный, может встать у престола и возглавить божественную литургию?

Нет, не может. У него нет на это благословения и Благодати посвящения. Любое служение в Церкви функционально. Рукоположение во пресвитера, как раз, и заключается в том, что на ставленника призывается Благодать Божия, укрепляющая его для предстоящего пресвитерского служения, и сообщаются ему конкретные права и обязанности.

На что имеет право и что обязан пресвитер?

Предстоятельством за богослужением. Кто такой предстоятель? Впереди стоящий, возглавляющий, ведущий. Никакой он не посредник, он такой же священник, как и любой простой человек, но у него есть право стоять впереди и озвучивать общую молитву Церкви. Само богослужение совершает не пресвитер, а Церковь – народ Божий. Пресвитер лишь предстоятельствует.

Пресвитер еще обязан **проповедовать** слово Божие и в храме, и за пределами храма, **быть пастырем**, заботиться о духовном состоянии паствы и пр.

Пресвитера можно называть, как угодно – батюшкой, попом, святым отцом, высокопреподобием, иереем, священником, пастырем, хоть горшком, лишь бы не клал в печь. От этих наименований суть не меняется. В архиерейском чиновнике чёрным по белому написано – «во пресвитера» - и точка. Рукополагают не в священника или иерея, что то же самое, только по-гречески - а во пресвитера.

Хотя подобные вольности наблюдаются даже в официальных церковных документах. Например, так и пишут: справка дана там Сидорову Петру, что он является священнослужителем такого-то прихода. Ну, сложилось так, на кончике языка вертятся такие формулировки. Ну и ничего страшного. Мы же говорим с Вами, что солнце садится, а луна выходит - и ничего, не облезли.

Но понимать такие вещи нужно правильно. Кстати, все, чего мы сегодня очень кратко с Вами коснулись, подробно и обстоятельно разбирается в капитальном труде величайшего православного богослова - протопресвитера Николая Афанасьева. Труд называется «Церковь Духа Святого». В Интернете набираете и - море ссылок. Афанасьев «Церковь Духа Святого» - познакомьтесь.

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным.*